

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА

**ПУШИСТАЯ
СКАЗКА**

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К 17

Калашникова Надежда Николаевна

Пушистая сказка / Надежда Калашникова ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная
библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2011 . – 44 с. : портр.

©Надежда Калашникова
Фото Сергея Загнухина

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Учится на историческом факультете Кузбасской государственной педагогической академии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце».

– Ну по проволочке-то и я пройду! – фыркнул серый кот и принялся карабкаться по фонарному столбу.

Рыжий кот с неудовольствием смотрел, как он мелкими шажками передвигается по электрическому проводу. Теперь по другому. По третьему. Ну вот, прошел по всем трём натянутым в ряд проводам. Спрыгнул вниз, правда, на четыре лапы не сумел приземлиться, завалился набок. Но тут же поднялся, отряхнулся и небрежно бросил:

– Это даже малому котёнку под силу.

– Правда, Когтя, ну что здесь особенного? Нашел чем хвастать – природой своей кошачьей... – подхватили собравшиеся.

Рыжий кот сверкнул зелёными глазами:

– Ах, так? Котёнку, значит? А вот... – он нервно заоглядывался и вдруг вспомнил, что на улице рабочие укладывают асфальт. И там стоит огромный чан с кипящей смолой. – А ну, давай за мной!

Распушив хвост, он помчался, пересекая двор наискосок, а за ним покатился пёстрый собаче-кошачий клубок, будоража округу мявом и лаем.

Рабочие как раз ушли обедать в свой вагончик. Кругом валялись кайла, лопаты, верхонки, каток отогнали куда-то в сторону, а рядышком, сбоку от тротуара, возвышался огромный котёл с чёрным блестящим варом. Жаром от него несло метра, наверное, за два. И, главное, он так удачно стоял, что прямо над ним оказался натянут телевизионный кабель из соседнего дома. На порядочной высоте, разумеется.

Перемахнув дорогу под носом у проезжающей машины, рыжий кот взлетел на водосточную трубу, добрался до кабеля и прошёлся по нему так, чтобы чан оказался аккурат под ним. Встал на задние лапы и похлопал передними, призывая ко вниманию. Этого не требовалось – на него и так смотрели во все глаза.

Тогда рыжий встал на передние лапы и взбрыкнул задними, как будто он не кот, а лошадь. А потом – алле-

гоп! – перекувыркнулся в воздухе и умудрился встать обратно на тонкий проводок.

– Эй-эй, кончай! – закричал барбос Шавыч.

Кот и ухом не повёл. Он снова встал на задние лапы, подбоченился. Как заправский мушкетёр, подкрутил усы и пошёл в пляс. Кабель ходил ходуном. Если кто-нибудь сейчас через него смотрел телевизор, то экран наверняка рябил, а может, и вовсе выключился.

А коту всё это до лампочки, он знай себе отплясывает и так и эдак, и хвостом во все стороны вертит – для красоты, а скорее всего – для равновесия. Вот он повис на передних лапах, уцепился когтями. Небрежно закинул на провод заднюю лапу и... ему показалось, что он летит головой прямо в горячую смолу! Каким-то образом он разжал передние лапы, а задняя следом соскользнула. В последний момент ухватился когтем.

Фу ты! Чан вдруг предстал жадно разинутой пастью чудовища, которое так и норовит проглотить бедного котёнка. Жаром обдало из хищной пасти – а на самом-то деле кот просто взмок от страха и боли: ну-ка попробуй удержи целую тушку на одном коготке!

Кое-как он взобрался на проклятый провод и рыжей молнией слетел на землю.

– Bravo! Bravo!..

– М-да, это я, пожалуй, повторить не решусь, – сказал серый кот и протянул лапу рыжему. – Хвастун ты, конечно, ужасный, но основания на то имеются.

Рыжий сперва раскланялся на все стороны, потом стал пританцовывать на месте и вот так, пританцовывая, пожал лапу серому коту. Он не хотел, чтобы заметили, как его трясёт кондрашка. Как только умудрился не заорать на весь городишко, болтаясь сарделькой на сопельке! Наверное, язык отнялся от жути.

Рыжего кота звали Коготок. Это был самый отчаянный забияка по району, а может, и по всему городу. Но ему этого мало, он хотел, чтоб его признали самым лихим, самым замечательным и вообще – самым-самым. Коготок упирал на то, что ему под силу такое, на что ни один кот больше не способен. И вечно пытался это доказать, влезая

и вляпываясь в такие авантюры, а порой просто дурацкие вещи, что ни в одну нормальную кошачью голову и впрямь не пришло бы подобное. Даже после целого бутылка валерьянки.

Как ни странно, дружил этот наглый котяра с барбосом Шавычем. А у того характер – как у доброго старика: спокойный такой, покладистый, рассудительный. Ему на лапу сгоряча наступят, а он только подвинется, даже не твякнет. И звали-то его тоже по-дедовски: Шавыч. Уважение оказывали.

Коготок Шавыча этого обожал и горой стоял, если вдруг в его адрес что нелестное брякнут. Мигом шерсть вздыбит, хвост веером, зашипит и кинется на обидчика. А драться Коготок будь здоров умеет, это всем известно. И Шавыча старались не трогать.

Хотя его бы и так не трогали, и без Когтиной защиты. Двор у них на удивление дружный и приветливый. Замечательный просто двор. Коготок полгорода, наверное, облазил, а может, и больше. Городишко-то маленький, захолустный. Но каждый раз возвращался обратно, снова убеждаясь, что нигде, ну решительно нигде нету такой душистой и разлапистой липы – так удобно отдыхать на её шершавом изогнутом стволе, свесив лапы... А с чужих крыш обзор, конечно, получше бывает, но на любой из четырёх своих знакома каждая черепица – кажется, она сама под лапы стелется. Это не говоря о том, что здесь своя тесная компания – барбос Шавыч, серый ободранный кот Шпик, смешливая и ужасно плодовитая кошка Тесёмка, романтический спаниэль Ноэль и ещё целая куча подрастающего поколения. Мелочь пузатая, в общем.

Снежинка проснулась. Выбралась из уютного закутка между подушкой и диванной спинкой, прошла по спящей хозяйке – та даже не ворохнулась – и мягко спрыгнула на пол.

С хрустом потянулась. Добралась до своей кормушки, поглядела на ту же картину, что и три часа назад: пусто. Впрочем, под утро, как всегда, есть не хотелось.

Снежинка потрясла головой. Нет, пожалуй, лучше всего

вернуться обратно и поспать ещё часок. Вон, за окном уже фонари погасли. Скоро проснётся хозяйка, и начнется кошачий трудовой день, потому как у хозяйки каникулы. А значит, хватает она её и тискает в три раза чаще обычного.

Хозяйку звали Таня, и стукнуло ей на прошлой неделе ни много ни мало восемь годиков. Девчонка всё упрашивала родителей: «Хочу киску или собачку! Хочу братика или сестричку! Ну пожа-а-луйста!..» Но второго ребенка родители по некоторым причинам завести не могли, с собакой возни не оберешься... В общем, два года назад на день рождения подарили Танечке белого котёнка. Собственно, цвет и решил дело: мама сказала: «Ах, какая лапочка!», а папе ничего не оставалось как согласиться. Ибо с женщинами без крайней нужды лучше не спорить.

С этого дня девочка забросила все игрушки, даже любимая кукла Барби отошла на второй план. А уж про всяких там меховых слонов-зайцев нечего и говорить: они только укоризненно качали головами из пыльного угла, подсчитывая, сколько раз за пять минут котёнок взлетит на воздух, то есть на руки. И сколько царапин на этих руках останется, потому как Снежинка оказалась на редкость свободолюбивой особой. Танька ходила, как пацан, вся в царапках: и на руках, и на ногах, один раз даже глаз умудрилась подставить. Слава Богу, обошлось благополучно.

Снежинка любила хозяйку, конечно. Кто ещё будет её кормить, поить и беспрекословно вытирать ароматные лужи? Наглая Снежинка упорно не хотела ходить в предоставленный ей таз. По линолеуму скрестись гораздо приятнее, но разве глупым людям что-нибудь растолмачишь? Они на неё – с тряпкой, они на неё – с веником... Она давай шипеть и брыкаться. В итоге весь уход за зверем взвалила на себя девчонка. И правильно: любишь кататься – изволь и саночки за собой таскать.

Кошка подросла и преподнесла сюрприз: поменяла окраску. Нет, на неё никто не опрокидывал баночку масляной краски. Сама. Уши стали рыжие, а потом рыжие крапинки пошли по всей тушке, включая мордашку. Только пузико так и осталось белым, как напоминание о

белом и пушистом детстве. А хвост стал какой-то коричневым. И теперь кличка «Снежинка» ну никак не подходила.

Танька не стала её переименовывать, просто часто называла «моя конопушка», и это словцо приклеилось как второе имечко. Конопушка. Снежинка-Конопушка. А вообще, девочка как только её ни называла: и Снежка-Рыжка, и просто Рыжая, и Мохнатка, и даже непонятно с чего величала Шпунтиком. В общем, хоть горшком назови...

Кошка не обижалась на такое разнообразие, наоборот, ей льстило, что вот у неё такая уйма эпитетов, прям как у шахини персидской.

Конопушка была домашней кошечкой. Во двор она выходила редко, он её пугал. Шумно, беспокойно. А как-то раз её напугали... голуби! Она только было спрыгнула с карниза, как фр-р-р! – из-под носа целая стая вылетела, дико хлопая крыльями. Кошка смотрела в другую сторону и потому их не заметила. Обидно было.

Так что Снежинка предпочитала поглядывать на мир с удобного окошечка на третьем этаже, под самой крышей. И в этот раз она, плотненько закусив, уселась на привычное местечко и принялась облизываться. А это было кухонное окно, оно выходило на улицу, комнаты же во двор гляделись. Снежка вылизывается и поглядывает, что на белом свете делается. А там как раз Коготок смертельные трюки канатоходца откалывал. Кошка даже умываться перестала.

«Ну до чего меня раздражает этот придурок, – с отвращением подумала она. – Вечно куда-то лезет, всё ему неймётся... Колючку ему, что ли, под хвост воткнули? Или на голову кирпич свалился и мозги последние вышиб... Но это же опасно в конце концов!» – уже с тревогой нахмурилась кошка, глядя, как он повис вниз головой. «Нет, это безобразие, надо это прекращать! Он же так убьётся когда-нибудь! Почему его никто не остановит? Идиот, конечно... но не кончать же теперь всех идиотов. Всё, решено: я ему выскажу всё, что думаю!»

– А-а, рыжий, – зевнула Конопушка. – Ну что, валяемся-то, как половая тряпка? Давай, отмочи чего-нибудь... Ты ж себя только тогда и чувствуешь хорошо, как дурью маешься.

Она сидела на узеньком карнизе, а Коготок лежал на козырьке подъезда и блаженно жмурился от солнышка. Но от этих слов блаженство мигом куда-то улетучилось.

Он обиженно протянул:

– Почему это дурью?

Та фыркнула:

– А как же ещё обозвать твои пляски на проводе? Думаешь, я не видела, как ты вниз башкой висел? Ой, какое великое и важное занятие!.. – Она закатила голубые глаза. – И очень интеллектуальное, пардон, а я-то, глупая, не поняла всего сразу... Это такой новый способ мозги от мусора чистить – кровь к ним приливать...

Помянутая кровь заходила в Коготке ходуном. Даже в глазах от злости потемнело.

Подпрыгнул, как резиновый мячик, спину выгнул и зашипел:

– Ты... ты... что ты несёшь вообще, соображаешь?

И тут ещё подал голос маленький котёнок, пригревшийся на соседнем подоконнике:

– Ну з-зачем Коготка обзывать? Он совсем не этот... не антулектный...

Тихонько так и неуверенно промяукал. Но его услышали, и Снежинка рассмеялась:

– А ты прав!.. Да у него не то что интеллекта – у него даже чувства собственного достоинства нет! Лезет во всякую бяку, ерундой занимается... Разве это кот? Фи!.. – наморщила розовый носик и пошла себе по карнизу независимой походкой. На ходу бросила котёнку: – А вы его слушаете, восхищаетесь им.

Коготок ошарашенно смотрел ей в след, даже не сообразив, что ответить. Так мерзко он себя не чувствовал даже когда на него опрокинули ведро с помоями. Было дело – ткнулся как-то одной бабке под ноги, а у той руки дырявые оказались, ведро и вывалилось на чудесную рыжую шерстку. Ух, и зол он тогда был на бабку! Перед всем

двором его опозорила. На неё тогда хоть дворник наорал – всё-таки какое-то моральное удовлетворение. А на эту, похоже, орать некому, сама на кого хочешь наорёт...

Кот глядел на удаляющуюся белую спину в рыжих крапинках. Спрашивается: чего она такая крапчатая? Пегая какая-то... Надо будет задразнить. Нет, ну чё прикопалась? Ну вот ни с чего совершенно. Да хоть вниз головой он висит, хоть вообще без этой самой головы останется – ей-то какое дело?! Сиди себе, молчи в тряпочку...

Тут рядом снова мякнули, и Коготок воззрился на мелкого свидетеля его незаслуженной взбучки.

– А ну брысь отсюда – рывкнул он и наподдал котёнку лапой. Да так, что бедный слетел вниз, прямо на клумбу с пионами. И сломал при падении самый большой и красивый цветок. А разъярённый Когтя прыгнул следом и сломал ещё один пион – для комплекта.

Коготок привычным жестом открыл холодильник, подцепил хорошенький кружок колбаски и скинул на пол. Толкнул дверцу, чтоб захлопнулась. Бр-р-р, наверное, опять регулятор на восьмерку поставили. Вредные всё-таки у него хозяева. А главное, чудные, – наивно полагают, что какие-то несчастные дверцы могут помешать коту на пути к желанной цели!

Слопав колбасу, котятра бесцеремонно взгромоздился на стол и развалился. Хор-рошо!.. Как любой кот, Коготок любил тепло, уют и покой. А уж вкусеньким брюхо набить – ну, это святое...

Но в последнее время как-то всё пошло кверху лапами и вниз ушами. Настроение постоянно мерзкое, не удаётся поднять его даже колбаской. Эта зараза Снежка, чтоб у неё вся шерсть на лапах повылазила!.. То её не видать не слышать было, а тут глянь-ка – взяла моду по двору шастать и шпильки вставлять куда надо и не надо. Не знаешь, как от неё отбрехаться. И ведь именно к нему привязалась, как репей прошлогодний. Нет бы к этому лопухому Ноэлю, который помешан на своих утках и ждёт не дождётся, когда же хозяин снова на охоту отправится...

Он вообще смешной, этот Ноэль, и неуклюжий – вечно путается в собственных лапах. Как только эдакий увалень может уток на болотах выслеживать – вообще непонятно.

Ну и дразнила бы его эта конопатая... Или вон Шпика – он всегда взъерошенный, как воробей, ободранный, как бомж у помойки. И манеры соответствующие. Или Ша... ну нет, Шавыча он никому дразнить не позволит. Но это же не значит, что он крайний?! Вон, с Тесёмкой бы поцапалась, та ей живо всю морду раскровадит. Мамаша, спуска никому не даёт, что за себя, что за детей.

Детей... Коготок вдруг хищно прищурился. А что, если этой фифе взять и приподнести такой подарочек? Детишек сотворить... Дарённому коню, как известно, в зубы не пялятся. Как-то она тогда мявкать будет?

Но, поразмыслив, кот откинул этот привлекательный план мести. Во-первых, он не любил грубость, а второе и самое главное – ему хотелось не просто отомстить, а заставить себя уважать и восхищаться. Отдал бы, кажется, копчёную колбаску, да что там – любимую липу под сруб бы пустил, лишь бы Снежка на него не холодно и презрительно посмотрела, а тепло и удивлённо... Ну а уж тогда он не ударит в грязь ни хвостом, ни усом: гордо продефилирует у неё перед носом, скажет что-нибудь... обидное-обидное, плюнет в самую душу. И, распушив хвост, уйдёт. Пропадёт денька так на три, а вернувшись, небрежно уронит: «Ах, какое было умопомрачительное свидание!...» И пусть тогда уже она от злости лопаётся и от зависти на стенку лезет.

Кот поднялся, как следует потянулся и решил, что валяться хватит, а не худо бы пойти прогуляться. Может, развеются всякие паршивые мысли.

По двору бродил Ноэль, уткнув нос в землю и как всегда спотыкаясь. На ушах у него торчали какие-то травинки и мусоринки.

– Эй-эй, Ноэль, – окликнул Коготок, – никак охота грядёт долгожданная?

Пёс вздрогнул и поднял смешную морду.

– Фу, ты меня напугал, – вздохнул он. И тут же засветился радостью, как фонарик: – Точно, охота! Хозяин

двустволку чистит и приговаривает: эх, и настроляем мы с тобой, Ноэль, уточек! В субботу пойдем, как раз выходные, на пару денёчков... Ух, красота!

И Ноэль перекувырнулся на траве. Мусору на ушах прибавилось.

– Слушай, а откуда ты узнал? – недоумённо спросил пёс. Коготок расхохотался:

– Сбегай в лужу поглядишь!.. На ушах у тебя – чёрте-чё и сбоку бантик! А кувыркаешься ты только когда тебя на охоту берут.

Ноэль обалдело ощупал уши, охнул и начал отряхаться. А Коготок сморщился, будто лимон проглотил – сзади послышался звонкий ехидный голосок:

– Да Коготок-то у нас, оказывается, дедуктивным методом владеет в совершенстве! Не хуже Шерлока Холмса. Может, и впрямь в сыщики подашь? Будешь преступления распутывать... Сыскной кот! – хихикнула Снежка. – А то такой талант пропадает...

Спаниэль удивился:

– Да какие у нас преступления-то? Отродясь их тут не бывало...

Снежинка фыркнула:

– Ну значит, надо создать прецедент! А то вот этот деятель с тоски зачахнет.

Коготок хотел было по обыкновению зашипеть и зафырчать, как чайник, но передумал. Развалился на травке и принялся вылизывать левую заднюю лапу.

– Ладно, ребята, я пошёл, – непонятно с чего сказал Ноэль и затрусил по двору. А Коготок тоже пошёл себе, демонстративно медленно. Он решил тренироваться. И украдкой оглянулся, лишь отойдя на порядочное расстояние. Снежинка растерянно смотрела ему вслед.

Всё так же медленно кот продефилировал до угла. А потом сорвался и помчался, не разбирая дороги. Люди шарахались, принимая его за огненный вихрь мелкого масштаба, машины злобно и испуганно визжали тормозами, а коту всё было до лампочки. «Получилось! Получилось!» – ликовал он. Она удивилась! Она растерялась! Она, небось, не знает, что теперь с ним делать

и как себя вести! Зато он знает.

Коготок остановился. «Чего это я бегу как помешанный», – пробормотал он и огляделся. Никогда здесь не был, местечко незнакомое. Это даже еще и лучше, интересно посмотреть.

Кот не спеша побрёл, принохиваясь и тараща во все стороны зелёные глаза. На асфальте тут и там блестели лужи от ночного дождя. А в них отражалось голубое небо, и лужи казались голубыми. Особенно одна, такой изящной миндалевидной формы. Очень похожа на голубой глаз. А второй... второй озорница прижмурила, подмигнуть решила.

Когтя загляделся на эту лужу. Ему всё казалось, что сейчас откроется второй глазок, такой же голубой и лукавый, и зазвучит ехидный звонкий смех. Ехидный – и... милый...

«Тьфу! Что за поганые мысли лезут сегодня в голову!» – очнулся кот. Прохожие охнули, какая-то легковушка от резкого торможения ввалилась в кювет, а мусорный ящик с симпатичной надписью «Брось в меня!» щедро поделился с мостовой всем, что в него успели набросать. Огненный вихрь вновь загулял по городу.

Рыжий приоткрыл один глаз. Заметил неторопливо ползущего по полу таракана и прижмурил глаз обратно. Можно, конечно, коршуном налететь и пригвоздить рыжего гада (ну натуральные гады! такой замечательный цвет себе заграбастали) острым коготком. Но спросонья заниматься общественно-полезным трудом не тянуло. Пусть лучше хозяева уборку почаще проводят. В конце концов, дихлофосу купят или как там эта дрянь называется... А ему эта вялотекущая война с переменным успехом уже и поднадоесть успела.

Кот завозился, устраиваясь поудобнее на своем любимом диване. Диван старый, местами облезлый и ободранный, но главное его достоинство – в разболтанных пружинах. На них очень хорошо прыгается и кувыркается, к тому же они так мелодично звенят при этом... И есть такое замечательное местечко, где одна из пружин вообще

вылетела, и теперь там уютный прогиб, как раз по кошачьему размеру. Коготок, если ночевал дома, всегда здесь укладывался. Хозяйка всё грозитя диван выкинуть да купить новый – интерьер, мол, портит. Слыша подобные заявления, кот возмущённо фыркал: «Где это видано, чтоб интерьер противоречил удобству? Это уже не интерьер, а голубиный помет на голову получается!..» Но денег на новый диван у хозяев всё равно не было, так что можно наслаждаться уютом сколько влезет.

Ага. Сколько влезет. Похоже, в него не лезет уже ни капельки. Кот вертелся и так и эдак, глаза укрыл хвостом от световых раздражителей – бесполезно. Не спится, не лежится, не уютится. А ведь такая дикая рань! Пяти утра, наверное, нету.

Помаевшись ещё минут десять, кот решительно вскочил и лягнул предавший диван так, что тот взвыл на весь дом, моля о пощаде. Но Коготок не стал его слушать, а взял да и ушёл.

Он долго сидел на крыше и и смотрел, как тают звезды. А потом с крыши сиганул прямо в мокрую росную траву. Бр-р-р, хуже, чем в холодильнике! Лапы мгновенно намокли. А потом кот ни с того ни с сего принялся кататься по этой самой мокрой траве. Решил взбодриться холодным душем, раз уж не судьба как следует выспаться.

Мозг работал. Соображал помаленьку: что бы такого отмочить? Чтобы Снежинка ахнула. Планы роились в кошачьей голове, как комары перед дождём. И кот от всех них отмахивался, как от комаров, ничто его не удовлетворяло. Всё казалось мелким, плоским, пошлым, тусклым. Хотелось чего-то огромного, из ряда вон выходящего, а ничего такого не придумывалось.

Всё-таки кот надеялся, что он по ходу что-нибудь сообразит, но Снежинка всё не выходила. Он расстроился: неужели она тоже характер решила проявить? Да её характер и без того уж такой явленный-проявленный, что дальше некуда. А вот поди же ты: целый длинный день прошёл, а она не удосужилась выйти для вынесения очередного вердикта. Вот зараза! Обиженный Коготок вгромоздился на липу, свесил хвост и провалился в

мрачный сон без сновидений.

А на следующий день его разбудил чей-то всхлипывающий голос:

– Снежка! Снежинка-а-а!.. Отзовись, где ты, Конопушечка моя...

Кот продрал глаза и увидел зарёванную Снежинку хозяйку. Она потерянно бродила по двору, заглядывала во все мыслимые и немыслимые закоулки, размазывая по лицу слёзы пополам с грязью.

За ней исподлобья наблюдал барбос Шавыч. В нём боролись противоречивые чувства: он рад был, что эта вредная кошонка куда-то пропала и теперь никто не будет задевать его друга. Шавыч ведь переживал за Коготка, только поделаться ничего не мог: состязаться в остроумии и подколах – не в его компетенции. И теперь он вздохнул с облегчением, что всё это наконец закончилось. Но с другой стороны, на Таньку невозможно было смотреть без жалости: она поникла, потухла как будто. Казалось, она свою любимицу уже похоронить успела. И Шавычу ужасно хотелось выволочь негодную кошку за ухо к хозяйке, чтобы та повеселела.

Между тем Коготок без всяких раздумий спрыгнул с дерева и подошел к Тане. И требовательно спросил:

– Когда пропала Снежка?

А надо сказать, когда у человека горе, он становится более восприимчивым. И он может понять много чего такого, на что в иное время и внимания бы не обратил. Девочка даже не удивилась, что с ней говорит кот и она его понимает. Только носом зашмыгала:

– Вче... вчера. Нет, позавчера, наверное. Она днём ушла и... и всё, и не ночевала. Я думала, придёт, а её всё нет и нет... А вдруг она под машину попала? – заплаканные глаза широко раскрылись от ужаса. – Или её живодеры какие-нибудь украли? Ой, нет, нет, Конопушечка, ну как же так...

– Да не ной ты! – резко прикрикнул кот и насупился. Конечно, ни под какую там машину эта зараза не попадет, скорее у несчастной машины полетит карбюратор или мотор заглохнет, если Снежка перебежит ей дорогу. Но у

кота возникли нехорошие подозрения по поводу кошки, ему очень хотелось их развеять, но что возьмешь с бестолковой человеческой девчонки. Вон, снова в слёзы...

– Сказал, хватит реветь! – гаркнул кот. Подействовало. Он продолжал спокойным, но мрачным голосом: – Подожди пару деньков, сама заявится.

– Не заявится, – прошелестело откуда-то сверху.

Девочка и кот вскинули головы. В кустах сирени, среди перепутанных ветвей, сидел большой сизый голубь.

– Эт-то ещё что такое? – зашипел Коготок. Нет, ну куда катится мир – какие-то пичужки имеют наглость перебивать кота, да еще возражать ему! Эдакое хамство!

Голубь нахохлился и на всякий случай перемахнул на ветку повыше. И оттуда продолжал:

– Её уболтал попугай Кару. Скользкий тип, никто из птиц его не любит. Он жил у людей какое-то время и нахватался разных словечек, в которых ни бельмеса не смыслит. Ходят слухи, что он подался в местный лес, так сказать, на волю.

– Ну и для чего ты мне травмишь эти байки? – раздражённо прорычал кот. Но тут торопливо заговорила Таня:

– Ой, ты знаешь, куда девалась Снежка? Скажи, пожалуйста, только поскорее!..

– Не знаю, – отрезал голубь. – Досуг мне разбирать дела всяких кошек!.. Я только слышал, как Кару плёл что-то про тюрьму и волю, а потом он полетел, а она пошла следом.

– Но она же вернётся? – спросила девочка.

Голубь похлопал крыльями и зачем-то ткнулся клювом себе под крыло.

– Там, где Кару, там обязательно какая-нибудь гадость, – наконец заявил он. – Это всё, что я могу тебе сказать.

Он сорвался и полетел искать более спокойное и безопасное место.

Как водится, за городом лепились дачные домики с огородиками, а за ними начинался Лес. Большой, тёмный и страшный. Но это он только с виду таким кажется. На

самом деле он разный: с дремучими чащобами и пёстрыми полянами, с шорохами и шумом. А ещё – с кучей лесного народу.

Ох уж этот народ лесной! Шебутной, бестолковый. Учудят чего-нибудь, а потом сами же страдают. Но в общем, ничего, жили – шибко не тужили. Порядок всё-таки какой-никакой соблюдался. Хищники в кормежку себе брали хилых да больных, чтоб те генофонд не портили, а здоровых гоняли по всему лесу от зари до зари. А притеснения какие чинить – это ни-ни! Попробуй только – сороки живо на хвостах по всему Лесу разнесут славу незадачливому хулигану, с ним свои же собратья здороваться перестанут. А если не помогает – тогда Медведя на помощь кличут, и уж он так-то тепло и дружески бока намнет безобразнику, что тот ещё долго ходит почесываясь.

Медведь в Лесу за главного. Вроде регалий никаких не носит, властью своей не кичится, а вот уважают его. Кто ни встретит – всяк ему дорогу уступит и Михайло Потапычем назовёт. И вовсе это никакое не подлизывание – лизоблюдов Медведь терпеть не мог. Как хватанет такого за шкуру, раскрутит хорошенько да зашвырнет на верхушку дерева: «Посиди-ка!» А потом ещё слезь самостоятельно. Зубы застучат, поджилки задрожат, и тут уже не до придворных тонкостей.

Но вот нежданно-негаданно беда приключилась: захворал Медведь. Лежит, встать не может, сопит, крихтит, и день за днем свечечкой тает. Большой такой мохнатой свечкой. Медведица уревелась вся, медвежата знай себе бегают да кувыркаются – что с малышни возьмешь? А Медведь лежит и переживает: «Ох-ох-ох! Что же без присмотра в Лесу-то деется?!

А в Лесу – полный беспредел. Лиса поймала Сороку. Да не обычную, а над всеми сороками начальницу. Откусила ей пол-крыла и говорит:

– Медведь совсем плох, помрёт не сегодня-завтра. В завещании все свои полномочия передал Волку. И сказал, чтоб тот приступал, не дожидаясь его смерти. Переживает за Лес, бедненький, – засветилась сочувствием лисья

мордочка. – В общем, ты это разнеси по своим каналам всему Лесу, да поживее.

Сорока встрепенулась:

– Какое завещание? Кто его видел-слышал? Не мог Медведь такого сделать, и вообще он...

Мягкая-мягкая, нежная-нежная лапа легла на вертящую сорочью шею и выпустила острые-острые коготки.

– Ты что же это, бесстыжие твои глаза, удумала? Неповиновение оказывать? Ну, этого я в Лесу не потерплю!..

– Ай! – вскрикнула бедная Сорока.

Лиса ослабила хватку.

– В общем, марш выполнять что сказано. А будешь возникать... – Лиса прищурилась и облизнулась. – Ты теперь с одним крылышком не улетишь далеко, я тебя найду и съем!

– И учти, – добавила она вслед ковылявшей Сороке, – ты отвечаешь за весь ваш кагал. Если хоть одна из пернатых будет болтать что не положено – твоей голове хана. Так что изволь держать дисциплину.

– Но почему я? – в отчаянии воскликнула пичуга.

Лиса ухмыльнулась:

– Ты главная.

И ушла делиться с Волком своими замыслами. Точнее, с волчьим вожаком. Тот, конечно, одобрил, сообщил это стае. Дружным ревом поддержали, а тут и лесная служба новостей подросла: сороки на всех ветвях трещат о смене власти.

Только волки – это волки. У них вожак – ну для красоты, что ли. Им ох как не любо, если кто больше остальных себе хапает. Начались претензии, выяснения отношений на всех уровнях – от рыка до клыка. В итоге вся стая стала шастать по Лесу гоголем и качать права направо и налево. Лес по швам затрещал.

Ничего хорошего из этого, конечно, не вышло. Банда серых разбойников круглые сутки выясняет, кто из них тут самый крутой – а как это лучше сделать? Правильно, самоутвердиться за счёт незащитных лесных жителей. И

пошло-поехало: разных там зайцев-бурундуков в шеренги строят и назначают, сколько и куда должно прибыть. Чтобы, значит, сами в пасть прыгали. Хилых бракуют, здоровых да упитанных подавай. А хилые тем временем заразу по всему племени разносят... В общем, бардак полный.

И вот нашелся печальник за всё лесное общество. Выразитель, так сказать, народных дум и чаяний.

Очередное утро началось с суматошного крика:

– Кар-р-раул! Абр-ракадабра!.. Полный мр-рак!

На сосне сидел красно-зелёный попугай с жёлтым хохолком и орал громче петуха на заре.

– Ужас! Катастр-рофа! Светопр-реставление! Р-рвался на свободу, к вольному ветру и пр-риличному обществу, а наткнулся на темноту и невежество. И никакого культурного общения! Только и р-р-разговоров, что про гнезда и яйца.

– Яйца? – облизнулась Лиса. – Ты не мог бы передать этот разговор поточнее?

Попугай поперхнулся и, видимо, решил сменить тему.

– У вас полная анар-рхия! Беспорядок. Дезор-рганизация!.. – он перевел дух. – Я р-решительно выр-р-ражаю пр-ротест!

У подножия сосны собралось уже пол-Леса. И ни Лисе, ни сбежавшимся волкам не понравилось, как глядят на попугая. Вожак уже собрался было рявкнуть как следует, но тут Кару (а это был именно он) заявил:

– Вам нужна хор-р-рошая властная лапа.

Его слова потонули в шуме и гомоне. Кто вспоминал Медведя, кто открыто возмущался, серые бандиты пытались навести порядок... А Кару под шумок слетел к Лисе и что-то зашептал ей на ухо.

– Здравствуйте, – низкий звучный голос разнёсся над поляной.

Его обладатель восседал в самом центре и тряс роскошной золотой гривой, дико выглядевшей в северном Лесу.

– До меня дошло, что Лес ваш богат и процветающ, не

хватает только властного правителя для наведения порядка. Можете радоваться: такой правитель найден. Это я, Лев! – он раскрыл пасть и издал такой оглушительный рев, что даже волки испуганно поджали хвосты. А уж прочие и вовсе попадали на землю и попытались в неё зарыться.

Лев между тем продолжал:

– Как вам известно – а если неизвестно, то я сообщаю, – что порядок держится на строгой иерархии. Вот, скажем, самый главный здесь – я. Моё слово – закон для всех и каждого. Дальше идёт небольшая избранная часть общества. Это должны быть сильные и уважаемые личности, могущие внушить почтение. Они пользуются определёнными привилегиями, их требования должны выполнять все остальные. Кто это будет – я пригляжусь и назначу. Да, и ещё – с сегодняшнего дня все должны соблюдать комендантский час. После захода солнца чтоб никто по Лесу не шастал, а сидел в своём домике. Ночами спать полагается, а не рыскать.

Лев потрянул гривой, оглядел притихшее зверьё и милостиво добавил:

– Пока можете расходиться.

И все потихоньку, бочком-бочком стали убираться. На поляне остались только волчья стая и Лиса.

Рыжая плутовка подошла к новоиспечённому правителю и вкрадчиво заговорила:

– У вас такая шикарная грива. Мне ещё не доводилось видеть подобное чудо. Но, кажется, она вам несколько мешает? Позвольте, я помогу. – И, не дожидаясь согласия, принялась заплетать львиную гриву в косички.

Лев блаженно откинулся и заурчал от удовольствия, как кот. Его хорошим настроением немедленно воспользовался волчий вожак. Подошёл и хрипло откашлялся. Лев открыл глаза.

– Мы... это... – отвечая на незаданный вопрос, начал вожак. – Насчёт сильных личностей, чтоб, значит, порядок держать. Ребята способные, этому делу обучены...

Прищурясь, Лев оглядел стаю. А те, как по команде, оскалили клыки и зарычали. Хором получилось чуть ли не

громче самого Льва. Он послушал, махнул хвостом с кисточкой и ответил жожаку:

– Я обязательно учту ваши предложения, когда займусь вплотную кадровыми вопросами.

И учёл. Как и следовало ожидать. Так что порядок в Лесу воцарился в том смысле, что оказались узаконены беспорядки и произвол.

Кстати, новоявленный правитель оказался беглецом из зоопарка. Предложил ему эту авантюру вездесущий попугай Кару, а Лев, конечно, не дурак – отказываться от подобного. Уговорились, что Лев поцарствует где-то до середины осени, а потом опять вернётся в тёплую клетку. Но лесному народу об этом знать необязательно и даже нежелательно. В целях поддержания авторитета. В клетке Льву мерещились разные сногшибательные властные возможности, и он досадовал, что не может воплотить их в жизнь. И вот представился такой шикарный случай.

Кару своровал ключи у смотрителя, открыл замок – и Лев медленно пошёл по залитым луной и фонарями улицам. Поздние зеваки, завидев его, вопили и удирали со всех ног. Кару летел следом и, хорошо примерившись, тюкал крепким клювом незадачливого прохожего по голове. Отчего тот либо грохался в обморок, либо наступало головокружение, а придя в норму, человек решал, что ему всё привиделось, и шёл себе дальше по своим делам.

Таким манером они дошли до Леса. Лев растянулся на траве и долго втягивал носом влажный ночной воздух.

– Уф!.. – выдохнул он. – Хорошо! – Помолчал и добавил: – Слушай, Кару, но как-то это всё не то. Ненастоящее какое-то. Что мне эти берёзы, сосны и пихты? Что мне эти олени и росوماхи? Я не знаю, как они живут, что им надо. Мне тут всё чужое... Я хочу в мою Африку.

– Дур-р-рак! В Африку он хочет! А в Антарктиду тебе не надо? – осведомился попугай. А затем заявил, что всё это сентиментальный бред, который развеется, едва Лев возьмётся за бразды правления. Где-то так и вышло.

Однако государственные дела полной переключки всё

же не давали, и Лев решил прибегнуть к более действенному средству. Он решил жениться, справедливо полагая, что жена времени на всякие дурные мысли не оставит. Да она вообще на всё твоё свободное время лапу наложит, и попробуй вякни... Впрочем, Льва это не пугало, наоборот. Но тут возникла проблема.

Где взять подходящую невесту? Достойную стать супругой лесного владыки, да еще более-менее близкую биологически? Львиц ведь в округе не водилось. А из кошачьих в Лесу обреталась только Рысь, но уж больно она серенькая и неприметная. И репутация у неё скандальная: подрастья любит. Лев решительно заявил, что эдакой пятнистой воительницы ему и на дух не надо.

Не надо – никто и не навязывает. Только тогда не жалуйся на одиночество и беспросвет жизни. Лев и не жаловался, только мрачнел всё сильнее и сильнее и рывкал на всех, кто пытался к нему обращаться. Даже на Лису. В самом деле, ну не этой же рыжей жениться?!

И вот как-то после сытного обеда, когда Лев по чьёму-то там закону тщетно пытался уснуть, над ухом затрещал Кару:

– Нашёл! Кр-расота! Ух, восхитительна! Ах, обворожительна! Да проснись же ты, стар-рый пень, тебе говор-рят!..

– Ну ты полегче, – лязгнул зубами гривастый. – И помедленнее, а то непонятно ни черта.

– Ему непонятно!.. – закатил глаза попугай. – Да я невесту тебе нашел! Кошку! Белую, голубоглазую, в рыжих конопушках! Под цвет твоей гр-ривы! Свет ещё эдакой кр-расоты не видывал! А ты всё др-р-рыхнешь!..

Коготок сидел и смотрел куда-то в одну точку. Мрачный как туча, что никак не гармонировало с его солнечным обликом. Снежки не было уже четвёртые сутки, и на случайность это явно не походило.

Он вскочил и начал бесцельно нарезать круги по двору. Пока его не окликнул Шавыч:

– Когтя, да что ты маешься? Сам не свой из-за какой-то несчастной кошки. Другой бы на твоём месте радовался.

– А я – не другой! – визверился кот. – Я сам по себе, какой уродился! И попрошу не указывать, как и что мне делать и чувствовать!..

ТЬфу, и причём тут чувства? Совсем у него чердак едет. И на друга наорал ни за что ни про что.

– Извиняй, Шавыч, – хмуро заговорил кот. – Совсем я что-то расклеился. Но мне покоя не даёт, что этот мешок с перьями толковал про какие-то гадости... А вдруг Снежка в опасности? Она, конечно, зараза, но я себе не прощу, если с ней чего случится.

Шавыч только головой качал, глядя на товарища.

– В общем, вот что, – уверенно продолжал Коготок. – Я прижму этого болтуна и вытрясу из него подробности, а потом двину. Вот сейчас и начну, нечего тянуть резину. Прощай, Ша-а-выч!.. Не поминай лихом!..

Последние фразы кот выкрикнул уже на бегу. Пёс тоже что-то закричал в ответ, но разве такого остановишь!.. Только гордо поднятый хвост вдали виднеется. Как рыжий парус над горизонтом. Шавыч вздохнул и поплёлся в свой тайник за водопроводными трубами.

– ...Когтя, а можно не так быстро?

Коготок резко обернулся. Запыхавшийся Шавыч стоял и улыбался. На спину он приторочил себе какой-то мешок, и теперь не хватало только горба, а так – вылитый верблюд, идущий в караване.

– Ну, чего?

– Как – чего? – удивился пёс. – Это я тебя хочу спросить. Во-первых, чего выяснил, а во-вторых – чего меня бросил? Не очень-то это по-дружески, вообще-то.

– Слушай, ну я же не погулять в соседний двор пошёл! Я... – Коготок сделал страшные глаза и прошептал: – Я в Лес отправляюсь, вот! Её туда увели, зачем – не знаю! И я обязательно разведу, что там творится. А ты нас жди лучше дома, Шавыч. Право слово, лучше здесь подожди.

– Ты жену себе когда заведёшь, тогда будешь ей наказывать, чтоб она тебя дома ждала, – спокойно ответил пёс. Когтя тут же взвинтился и зафырчал что-то неразборчивое, а Шавыч подошёл, за неимением плеч хлопнул его по загривку и сказал: – Пошли, герой-

разведчик.

И они пошли. А уже темнело. День вообще выдался пасмурный, какие-то серые облачки всё небо обложили – и с запада, и с востока. Коту темнота, конечно, не помеха, а вот про пса так не скажешь. К тому же оба не представляли, куда, собственно, идти. Коготка где только ни носило, однако за пределы города не доводилось выбираться. А Шавыч вообще не охотник до дальних прогулок. Так что через пару кварталов он решительно предложил перекусить и заночевать, а утречком прикинуть, в какую сторону лучше топать, чтоб побыстрее добраться до окраины.

Коготок, вознамерившийся было идти всю ночь, собрался возразить, но желудок, уловивший словечко «перекусить», заставил пересмотреть столь опрометчивый план. Наблюдая за припасами, которые запасливый Шавыч извлекал на свет божий из своего мешка, Коготок спросил, сглатывая слюни:

– Где ты только набрал этакого добра за один вечер? Не иначе как магазин ограбил?

Шавыч рассмеялся. Взял кость, другу протянул вяленую рыбешку и ответил:

– Не-а, я не грабил. Просто откладывал про запас, что не портится – мне ведь не каждый день поесть удаётся. А сейчас и пригодилось... Да ты ешь, ешь, – добавил он, видя, что Коготок застыл с недожёванной рыбой в пасти. – Ешь, оно для того и копилось. Живы будем – хлеба добудем. И косточку сахарную найдём.

Кот послушно принялся жевать, но настроение у него упало до нуля. Выходило всё как-то по-дурацки, и главным дураком оказывался он сам. Кто же отправляется в дальний путь без харчей! Надо было стащить чего из дома, там же полные закрома... Теперь вот придется объедать Шавыча, а тот и без того перебивается на бродяжьем положении... «Ну ничего, – утешился Коготок, – вернёмся – закачу пир на весь мир и угощу Шавыча кучей вкусностей.» Успокоившись, кот завалился под ближайший куст и тут же уснул.

А пёс уснул не сразу. Он прикидывал, как разузнать

маршрут. Наконец пришел к выводу, что лучше всего добраться до вокзала, а там послушать объявления расписаний, последить за людьми в дачном снаряжении и всё такое. Вроде и сам вокзал стоит при въезде в город, а значит, недалеко от окраины.

Шавыч постоял над спящим Коготком, покачал головой в такт каким-то своим мыслям. Потом улегся рядом клубочком, по давней привычке укрыл хвостом морду и тоже заснул.

– Мур-р-мур-ур-ра!.. – закричал Коготок и галопом припустил по проселочной дороге. – Притопали!

Вслед за ним тянулся шлейф из собачьих воплей: бдительные сторожа отмечали появление нахала на своей территории. Шавыч, не поспевая за Когтей, на ходу давал разъяснения. Впрочем, в них особой нужды не было: кот стрелой летел к видневшейся тёмной стене деревьев, окрестности его не интересовали.

– Уф! – Коготок плюхнулся на землю с размаха. Он не устал, хотя сердце бешено колотилось от бега, просто решил подождать Шавыча. Посоветоваться: а что же делать дальше? Вертя головой во все стороны, кот заметно скис. Если даже на какой-то паршивой опушке Лес казался чудовищно громадным, что же говорить о его глубинах? Что здесь может сделать обычный домашний, хоть и с уклоном в уличность, кот? Да тут деревья высотой в сто таких, как он! А может, и в двести. Представив же неведомых страшилищ, затаившихся в глухой чаще, Коготок зарылся носом в сухие листья и застонал.

– Ну вот зачем надо было так бежать, – добродушно заворчали у него над ухом. – Сам же и устал теперь. Говорил я – давай помедленнее...

Кот поднялся и, вспомнив растяпу Ноэля, потряс головой, выбрасывая мусор снаружи и изнутри одновременно.

– И ничего я не устал, – заявил он. – Просто мне так лучше думается. А вот...

– Добрый день. Простите за беспокойство, а что вы тут делаете?

По соседней сосне спускалась Белка. На её мордочке как-то причудливо сочетались любопытство и страх. Добравшись до нижней ветки, она нерешительно остановилась.

– Мы... это... А что, у вас по Лесу нельзя ходить, что сразу допросы устраивают? – выпалил Коготок. Шавыч пихнул его в бок, но слово, известно, не воробей. Особенно невежливое слово.

Белка огорченно взмахнула хвостом и замахала лапками:

– Ой, у нас здесь такое творится!.. Знаете, – она перешла на шёпот, – вы лучше не ходите к нам, право слово. Если жизнь дорога – уходите, и поскорее.

Коготок весь подобрался, будто готовясь к прыжку, и потребовал:

– Поподробнее, пожалуйста, про дороговизну жизни.

Белка затравленно огляделась, потом зажмурилась. Открыв глаза, спрыгнула вниз с видом, будто собралась нырнуть в холодную водичку, не умея к тому же плавать. Снова оглянулась, почему-то задержав взгляд на верхушках деревьев.

От такого поведения веяло жутью, и Шавыч не выдержал:

– Да чего ты боишься, в конце-то концов?

– Птиц, – еле слышно проговорила Белка. Потом, видно, решив, что терять нечего, продолжала нормальным голосом: – Они чуть что заметят неположенное, тут же разносят... И всё, и крышка – из-под земли выволокут.

Она закрыла глаза. Коготок подскочил, потрянул её за шиворот – раз, другой, да так, что зубы застучали. Затем кот сгрёб бедную зверушку в охапку, прижал к стволу и зашипел:

– Выкладывай всё про ваши порядки, и без всяких гроханий в обморок! Тоже мне, кисейная барышня... Нашла кого бояться – паршивых пичужек. Да я им всем перья повидам, если на то пошло.

– Ох, – вздохнула Белка, – они не виноваты. Просто их главную держат заложницей, вот она, понятное дело, и страшит... А так они хорошие, им наша бодяга тоже не

нравится... Да кому она нравится-то, окромя кучки сволочей! – вдруг ожесточённо прибавила Белка и сплонула, что никак не вязалось с её первоначальной робостью.

Она высвободилась из лап растерянного Коготка, поудобнее уселась, взметнула над головой когда-то роскошный, а теперь почему-то облезлый хвост и начала рассказывать.

По ходу повествования кот то и дело вскакивал и бурно возмущался. Шавыч продолжал спокойно сидеть, однако по его физиономии видно было, что он тоже не в восторге, мягко говоря.

– ...А теперь ещё хуже стало, – помолчав, добавила Белка. – Наш правитель изволил влюбиться. И теперь ему совсем на наши дела наплевать, не подступишься. «Все вопросы к моему заму!» – передразнила она. – А этот зам – известный хам, давно на этом поприще прославился, а сейчас и подавно. Да еще Кару чертов... Знай орёт себе, какая у нас замечательная жизнь. Надо б лучше, да некуда...

– Кару? – встрепенулся Коготок, услышав знакомое имечко.

– Ага, – кивнула Белка. – Попугай. Доверенное лицо у Льва. Птичка на побегушках. Он ему и невесту откуда-то приволок, вертихвост проклятый... Только, похоже, её согласиём не заручился, она теперь хвостом вертит, Льва динамит, и он ходит как в воду опущенный. И брызгается на всех.

Она продолжал выплёскивать всё, что накопилось на её беличьей душе, но Коготок уже не слышал. В глазах потемнело, сердце заколотилось от злости и желания немедленно броситься на мерзкого Льва и набить ему наглуую морду. Чтоб таким непотребством больше не занимался и наших кошек не крал!

– Так, – жёстко заговорил он, прерывая Белку на полуслове. – Где эта невеста сейчас находится?

Снежинка с бессильным рычанием кинулась на стену ещё раз и наконец остановилась. Стене хоть бы хны, её и

таран не всякий прошибет, а лапы уже болят. Нежные лапки с розовыми подушечками, привыкшие ходить по деревянному полу и мягкому дивану... Кто бы думал, что доведётся вляпаться в такое...

«Ох, и зачем же я послушала Кару, – в который уже раз с тоской подумала кошка. – Сидела бы сейчас в уютной квартире или гуляла бы вольно... Вот именно! Воли ей захотелось... «Поглядеть на настоящую свободную жизнь!» – сама себя передразнила Снежка. – Как будто Танька для меня была тюремщицей... Перегибала, конечно, иногда палку, но всё же она меня любила... А тут... Загнали в клетку!» – она с ненавистью глянула на свое обиталище, но на большее сил уже не хватило. Снежинка прошла в дальний угол, показавшийся ей более-менее уютным, и свернулась там калачиком, намереваясь хотя бы во сне отключиться от происходящего.

А ведь начиналось все чин-чинарем. По дороге в Лес Кару, трещавший без умолку, порой выдавал забавные штучки, так что даже интересно было слушать. И вообще, Конопушка неожиданно обнаружила в себе страсть к путешествиям: оказалось, это ужасно увлекательно. Только вот есть хотелось со страшной силой: за всю дорогу удалось поживиться лишь ошмётком колбасы, причём явно знававшим лучшие времена. Да ещё валялся он рядом с помойкой. Совершенно неподходящее занятие для кошки, знающей толк в еде. Но голод, как известно, не тётка.

И Лес ей тоже понравился. Тесная толпа огромных деревьев, обрушившийся ливень незнакомых запахов, свежий ветер – всё это Снежке очень даже глянулось. А уж когда Кару препроводил её ко Льву, и царь зверей учтивейшим образом поприветствовал городскую гостью, а потом ещё и устроил в честь неё пир – Снежка совсем растаяла, как снежинка на ладони.

Растаяла-то скорее не она, а её свернувшийся в трубочку желудок при виде такого мясного изобилия. Но когда желудок полон блаженства, оно вполне может собрать манатки и перекочевать в душу. И вот, когда блаженство с треском и блеском отпраздновало новоселье и решило, что фиг оно уйдёт из такого уютного домика, –

вот тут-то всё и началось.

Лев подошел к Снежке, знакомым (откуда бы?..) жестом подкрутил усы, по привычке тряхнул заплетённой в косички гривой и торжественно сказал:

– Милая Снежка! Вы пушисты и обаятельны. Цвет вашей шубки не имеет аналогов. Мне не доводилось встречать подобное изящнейшее сочетание. Позвольте предложить вам лапу, сердце и титул королевы этого Леса. Будьте моей женой.

Блаженство в панике заметалось по домику, ища выход. Домик вздрогнул и зашатался – Конопушка широко раскрыла глаза и уставилась на Льва.

– Нет-нет, что вы, я не гожусь в королевы! И замуж я совсем не хочу... Пока, – добавила она тихо, но лесной властелин услышал.

– Ну что ж, я подожду, пока настанет это «пока». Советую долго не затягивать. Эй, – он лениво махнул хвостом, – приготовьте будущей королеве апартаменты да отведите её туда.

Снежка и глазом голубым моргнуть не успела, как оказалась в пещере. Маленькой и сухой, даже освещённой – под потолком расположилось несколько светлячков. «Апартаменты», – с горечью подумала кошка.

А потом, когда поняла, что произошло, ужасно разозлилась. Кидалась на стены, орала дурным голосом, выкрикивала какие-то угрозы, да толку. Пришлось смириться с ролью пленницы. И даже отказаться от намерения объявить голодовку – вид и запах свежего мяса, которое Лев распорядился ей доставлять, абсолютно не способствовали этому политическому акту.

Каждый вечер Лев заявлялся к ней в пещеру, с трудом втискиваясь под низкие своды. Спрашивал, не передумала ли она. Снежка реагировала по-разному. Как-то попыталась его разжалобить, плетя трогательные истории о лупоглазой юности, ещё так мало повидавшей на своём коротеньком веку. Не подействовало. Тогда Снежинка решила оправдать своё имя и напустила на конопатую мордочку маску обледенелого спокойствия и воистину снежной гордости и неприступности. Она казалась

вылепленной из снега. Зато внутри всё клокотало и бурлило, как вода в чайнике. И когда на следующий день Лев задал свой риторический вопрос, Снежка с бешеным темпераментом набросилась на него. Бедный Лев опомнился только после пятой или шестой царапины на своей морде. Стряхнул кошку на пол, прижал её лапой – она только глазами посверкивала – и сказал:

– Я ведь тоже могу применить насилие. Думаю, вам это понравится даже меньше, чем мне – ваше сегодняшнее поведение. Я всё-таки рассчитываю добиться согласия, не хотелось бы...

Покачал головой и вышел. Придворные, завидя его, ахнули: вся львиная физиономия была залита кровью. Остренькие оказались коготки у милого создания.

А создание совсем приуныло. Ни лаской, ни встряской Льва, как видно, не прошибить. Снежке всё осточертело, хотелось уже одного: провалиться в долгий-долгий сон, чтоб весь этот бред забылся, исчез, не действовал на нервы. Мозги не работали даже на тему «кого разыгрывать в следующий раз». Не хотелось уже никого играть – абсолютно.

Кошка улеглась. Мысли поплыли какие-то вязкие, тягучие... И тут яркой молнией пронеслось: «А что сейчас делает Коготок, интересно? Небось и не вспомнит. С глаз долой – из сердца вон... А ведь он такой сумасбродный, – Снежка завозилась, вспоминая Когтины выходки и собственные их комментарии. – И чего я, спрашивается, так на него наезжала? Нормальный кот... Симпатичный даже».

В бок впиалась какая-то колючая гадость. Раздражённая Снежинка пнула невесть откуда взявшийся острый камушек. Ну что за безобразие, поспать по-кошачьи никак не удаётся! Она плюхнулась на пол и растянулась во весь рост. Совсем не уютно. Но почему-то успокоилась и почувствовала, что засыпает.

«Не-а, Коготок не нормальный, – проваливаясь в желанный сон, подумала кошка. – В нём что-то сумасшедшее... смешное... отважное... Он меня бы точно отсюда освободил, если бы знал. А он не знает... знает...

знает...»

Убаюканная своими же мыслями, Конопушка заснула.

– Когтя, так дела не делаются, – увещевал Шавыч фырчащего друга. – Если мы сейчас к нему в резиденцию сунемся, нас сожрут и косточки выплюнут. Там полно хищников.

– Я сам хищник! – оскорблённый Когтя выгнул спину.

– Я тоже, – оскалился пёс. – Только они покрупнее нас раз так в двадцать.

На все доводы кот презрительно махал лапой и хвостом. Тогда Шавыч замолчал, как-то вдруг очень погрузился, пару раз вздохнул и сказал замогильным голосом:

– Мне жаль девочку Таню. Снежка никогда больше к ней не вернётся – ведь её некому будет освободить... Навсегда останется она у коварного и бездушного лесного владыки... Впрочем, что это я? Таня заведет себе нового котёнка и будет счастлива, а наши судьбы – ну, кому они интересны?

От неожиданности Коготок сел прямо на свой любимый хвост. И устал на приятеля обалделые зелёные глаза.

– Ты... ты... как ты можешь так говорить? – потрясённо выговорил он.

– Я это к тому, что от живых проку больше, чем отдохлых, – обычным голосом пояснил довольный Шавыч. – К тому же мне очень не нравятся местные порядки. Оно, конечно, в чужом монастыре свои уставы не диктуют, но есть такие уставы, что и подправить не грех...

–...Слушайте! Слушайте все! Бросайте все свои дела и слушайте экстренное сообщение! – закричали на лесных перекрестках сороки.

– Ну разорались, белобоки, – ворчали звери, высывая морды из нор и всевозможных убежищ. – небось опять какую гадость объявить велели... Чего ещё ждать-то...

– Обман! Заговор! Шантаж! Узурпация!.. Диктатура!.. – похоже, умных словечек пичуги нахватились у Кару. Какой-то щеглёнок-желторотик – едва опериться успел – высунулся из гнезда и звонко крикнул:

– Олигархия!

К нему тут же подскочил сзади папа-щегол и принялся воспитывать неслуха при помощи клюва.

Сороки Америки, конечно, не открыли, равно как и несправедливо наказанный щеглёнок. Знали или догадывались об этом практически все. Но какой толк от знания, если ты не можешь им поделиться с соседом, который зарылся в нору – только хвост наружу – и дрожит от страха как листик осиновый? Какой толк от знания, если от рассвета до рассвета слышишь и наблюдаешь нечто совсем противоположное? Сам уже начинаешь верить во всякий бред, а потом и вовсе ни во что не веришь.

Вот поэтому лихорадочные сорочки выкрики произвели эффект палки, ткнутой в муравейник. Звери недоумённо переглядывались, переговаривались несмело, но всем уже было ясно: что-то случилось, что-то сдвинулось с мёртвой точки. Но вот *что* именно и почему – пока было непонятно.

Лесная «олигархия» тоже прослушала сводку свежих новостей. И ошалела не меньше. Привыкли хищники к повиновению, к тому, что всё в Лесу с их ведома и по их желанию творится. А тут – нате вам пожалуйста! – эдакий кусок льда за шиворот.

Лиса опомнилась первой. С воплем: «Ну я ей покажу!..» кинулась к домику Сороки. Но её там не оказалось. Валялась лишь пара перышек, как прощальный издевательский привет.

– Вот же идиоты! – возмутилась рыжая. – Не могли сожрать кого-нибудь другого!

Она хотела учинить допрос, кто из серых олухов съел такую нужную птичку – по сути, рычаг контроля за СМИ! Но пришедшие в себя волки как раз пробовали эти СМИ контролировать – то есть прыгали и щёлкали зубами, пытаясь добраться до наглых пичуг. Разумеется, те только выше взлетали и орали ещё громче и обиднее.

Этот тарарам и бедлам разбудил Льва, по обыкновению прилётшего после обеда вздремнуть. А ему как раз снилась любимая и невыносимо далекая Африка. Такой хороший сон был, а тут – бац – шум, гам... Раздражённый Лев

заспанными глазами уставился на берёзу, под которой лежал. «Почему у меня перед носом эта берёза? Почему не финиковая или кокосовая пальма? – с тоской подумал он. – Однако, что это они там так разорались... Пойду рывкну.»

Он поднялся и, слегка пошатываясь, побрёл на крики. Остановился. Поглядел малость, послушал, сообразил, что его владычество трещит по швам и прыгнул на середину громадной золотой молнией. А следом, как водится, загремел гром:

– Что здесь происходит?!

От неожиданности все замолчали. Правда, ненадолго: с удвоенной силой затрещали сороки, на Льва со всех сторон полетели жалобы, претензии, просьбы... Но тут откуда-то выкатился маленький рыжий мячик. Подкатился гривастому под лапы и обернулся котом. Со вздыбленной шерстью и хвостом, задранным по-боевому.

Перекрывая гвалт, он заорал:

– Отдавай Снежку!.. Какое твоё право свободных кошек сманивать и под замок сажать! Катись отсюда в свою Африку и там львицу заводи, а здесь шkodить нечего! Тоже мне, царь зверей... – Коготок перевел дух. Потом вскинул на Льва дерзкий взгляд: – Отдавай, по-хорошему прошу. А не то драться будем.

– Драться? Ты? Со мной? – изумился Лев.

– Да! – ответил рыжий наглец, не дрогнув ни голосом, ни единым мускулом.

Он и впрямь не боялся. Его будто подхватил и нёс какой-то поток, бурный и стремительный, как водопад. Коготку и в голову не приходило, что можно разбиться о камни или, скажем, попасть в водоворот...

Лев потряс головой. Протёр лапой глаза. Оглядел такое же обалделое лесное зверьё и жалобно зарычал:

– Я не пойму, вы тут политикой занимаетесь или любовью?!

Кто-то хохотнул, но его не поддержали. Шавыч вздохнул: ну какой же всё-таки дурак этот Когтя, высунулся и всё испортил. Вот что теперь будет, а?

Этот же вопрос терзал всё лесное население. Почти не дыша, все уставились на парочку, замершую в центре

поляны: огромный, с печатью властности на физиономии Лев и маленький взъерошенный кот, полный решимости отстаивать исконное кошачье право на свободу. Между ними, казалось, даже воздух звенел от напряжения.

Но вот Лев начал вылизывать правую переднюю лапу и за этим занятием небрежно сказал Коготку:

– Ты говорил что-то насчёт Африки... Так вот, если изыщешь способ, как мне туда попасть, – Снежинка твоя.

Кот предпочитал верить своим ушам, равно как и глазам, с первого раза. Поэтому он подпрыгнул, сделал головокружительное сальто-мортале и закричал на всю округу (бедный Лес, столько шуму за один день!):

– Мур-р-мур-ур-ра!.. Да я тебе эту Африку на блюдечко положу с каёмочкой, какой пожелаешь: хоть золотой, хоть голубенькой!.. – не имея ни малейшего представления о том, как это сделать. – Ну, говори, где Конопушка?

Лев истинно царским движением еле качнул лапой куда-то – и Коготок, даже не пожелавший уточнить, что и как, уже нёсся туда на всех своих рыжих парусах.

Шавыч рассеянно поглядел вслед умчавшемуся Коготку. Привычно хотел было обозвать его балбесом – не со зла, по-дружески, – но не получалось. Наоборот, хотелось самому отчебучить что-нибудь сумасбродное.

«Когтя, ну какая же ты зараза», – вздохнул Шавыч. Коту хорошо: он своего добился. Снежка небось в осадок выпадет, когда он возникнет на пороге её узилища и воскликнет: «Сударыня, вы свободны!..» Или ещё чего отмочит, уж он это умеет... «А мне-то теперь что делать?! – в отчаянии подумал пёс.

Дело в том, что «подправить устав» Леса Шавыч вызвался совершенно добровольно и бескорыстно. Но на одном бескорыстии, как известно, далеко не уедешь. Так и вышло. Гуляя по Лесу в целях разведки, он наткнулся на молоденькую волчицу. Наслушавшись о серых шкурах разных ужасов, пёс хотел было ретироваться, но любопытство пересилило. Волк-одиночка – это бывает, но чтоб волчица?.. Необычно как-то.

Волчица, несмотря на молодой возраст и женскую

ипостась, оказалась толковым зверем. Привилегии своего племени её почему-то не вдохновляли. Она говорила: «Вот мы сейчас едим зайцев без разбора, больше, чем надо, – а кого будут есть наши дети? Так же всех зайцев перевести можно, а потом что – кору дубовую грызть или сразу дуба дать?» На что ей отвечали либо «молчи, женщина», либо в том духе, что надо брать, пока Бог дает, а о будущем заботиться – это дело как раз божье, а не волчье.

«Еще Бога сюда приплели, представляешь?» – возмущённо рассказывала волчица. Шавыч кивал, гмыкал, сочувственно поддакивал, но сам в ответ мало что поведал. Спросил лишь, много ли ещё в стае здравомыслящих. С недавних пор оказалось немного – вседозволенность пьянила, туманила мозги; раздутое честолюбие действовало как перец, насыпанный под хвост. Волчица (кстати, звали её Чишка) со стаей пореже старалась общаться и Шавычу, как неожиданному понимающему собеседнику, явно обрадовалась. Болтали они долго, условились на следующий день ещё встретиться.

Вот тут-то у пса и появился корыстный интерес в наведении лесного порядка. Ночью, когда беззаботный Когтя дрых без задних лап, Шавыч снова и снова прокручивал дневной разговор. И светло-серая, наверняка мягкая (вот бы потрогать!) Чишкина шерсть казалась ему ореолом давнего идеала, который он в свое время искал-искал, не нашёл да и бросил. Мозги в собачьей голове закрутились с бешеной скоростью. Шавыч придумал великолепный (как ему казалось) план и рьяно взялся за его осуществление. И ведь кое-что удалось – скажем, расчёт на птиц как на репортёров оправдался. Равно как и на то, что если ликвидировать последствия мерзопакостного шантажа (проще говоря, упрятать подальше Сороку), то и убеждать-просить никого не придется – здоровая натура возьмёт верх. Так и вышло. А потом выкатился Коготок и всё внимание перевел на себя. Куда ему столько, спрашивается? Нет бы другим малость оставить...

Расстроенный Шавыч помаленьку уже начинал завидовать другу, но тут у него над ухом прозвучало:

– Как здорово!..

Чишка смотрела на него огромными глазами. У неё такие оказались мерцающие глаза, что они прямо затягивали, как водоворот. Пёс и засмотрелся... Очнулся, только услышав:

– Я не думала, что у вас получится что-нибудь.

– Ты это о чём? – встрепенулся Шавыч.

Волчица усмехнулась:

– Слышала я все ваши планы и уговоры. За кустами лежала и подслу-у-ушивала... – протянула она. – Но знаешь, так даже лучше. Красивше, что ли. Твой друг – настоящий герой...

На бедного пса свалилась целая куча чувств: недоумение, радость, ревность... Он уже и не знал, как из-под этой кучи выбираться, но Чишка продолжала:

– Однако ты мне больше нравишься.

Тут пёс и волчица решили, что не худо бы им пойти прогуляться, а то оба устали от большого скопления народа и от шума, им производимого.

А шум понемногу нарастал. Звери мало-помалу стряхивали оцепенение, и всем было непонятно: а что же с Лесом будет дальше?

Волчий вожак соображал туговато, но тут быстро понял, что Лев себя скомпрометировал и во властители больше не годится. К тому же собирается тикать в свою Африку – что ж, скатертью дорога, а нам о родных осинах подумать надо.

Он хрипло откашлялся и начал:

– Значит, так...

Но его перебил глас, раздавшийся с неба. Вернее, конечно, с дерева. Глас оказался до ужаса визгливым и пронзительным.

– Что ты натвор-р-рил, стар-рый дур-р-рак!.. Устр-роил анар-рхию и беспор-р-рядок! Всё пошло псу и коту под хвост! Вот и катись теперь обр-р-ратно в клетку!..

У Кару, похоже, начисто отсутствовало понятие о дипломатии. Лев злобно рявкнул, но попугая уже принялись учить уму-разуму птицы, получившие наконец свободу. Красно-жёлтый болтун давно всем надоел, и теперь только цветные пёрышки летели во все стороны.

Тут бы Кару и конец пришёл, если б чей-то негромкий голос (удивительно, как его вообще услышали) не сказал:

– А ну, отставить самосуд.

На самом краешке поляны, в тени обступивших её деревьев, стоял Медведь. Живой и здоровый. И нахмуренный. Но долго хмуриться ему не удалось, потому как его тут же окружили обрадованным, обиженным и наперебой галдящим кольцом. Так что Медведю пришлось заткнуть уши, чтоб не оглохнуть.

Наконец все малость поутихли. Косолапый отнял лапы от ушей, поглядел на столпившееся вокруг него зверьё. На угрюмых и растерянных хищников, одиноко сидящих на опустевшей поляне. На невозмутимого Льва, делавшего вид, что его здесь уже ничего не касается. Вздыхнул и сказал:

– Плохой, видно, из меня Лесу хозяин.

Вот уж этого никто не ожидал услышать, даже распоясавшаяся волчья стая. А Медведь продолжал:

– Хороший хозяин так дела устраивает, что порядок и без него сохраняется. А если стоит ему отлучиться, как уже дым стоит коромыслом – это какая же цена такому порядку и такому хозяину будет?..

– Непр-р-равильная логика! – влез неутомный попугай. – Хозяин в доме – лад в доме, хозяин со двора – в дому кутерьма! Так люди говор-р-рят.

Медведь почесал в затылке.

– Так у людей в доме всё больше вещи – кастрюли там разные или утюги – а у меня-то живность... Вон её сколько – и зубастая, и клыкастая, и вовсе беззащитная...

– Да выгнать всех этих зубастых и клыкастых из Леса к чёртовой мамаше! – крикнула Белка, высунувшись из укрытия.

– Ага. И превратить Лес в лазарет. А потом в братскую могилу.

– А что, сейчас лучше?! – возмутилась было Белка, но умолкла. В могилу, да ещё братскую, ей никак не хотелось.

Волчий вожак, услышав, что Медведь никого выгонять не собирается, подмигнул Лисе и заявил:

– Вот и я говорю, что мы... того... на общее благо,

значит, стараемся. И дальше надо продолжать в том же духе.

Медведь поглядел на него, поглядел и говорит:

– Это я сейчас благое дело сделаю и дух из тебя вышибу. А ну брысь отсюда! – рявкнул он на хищников.

Волков с поляны как ветром сдуло. Они сами постоянно рявкали, а вот чтобы на них кто – отвыкли уже. А тут как-то разом хвосты поджали. А Медведь подумал, что, конечно, наскоком тут ничего не возьмёшь и тычками мозги не вправишь. И от этих мыслей он опять нахмурился и сказал:

– Вы тоже хороши. Позволили сесть на шею. Вам бы бегать от них, следы запутывать, дразнить – а вы сами в пасть прыгаете. Вон серые как разжирели! Боровы, не волки. Развратили-то их вы, а не он, – мотнул Медведь головой в сторону Льва.

И пошёл в свою берлогу.

– Ну вот, – удовлетворённо заявил Коготок, оглядываясь, – эти местечки мне уже знакомы. Ещё пара кварталов – и мы дома.

– Да уж скорей бы, – Снежка даже заприщась от нетерпения. – Я так по Танечке моей соскучилась... А уж она-то по мне...

Коготок как-то искоса взглянул на спутницу. Та внезапно рассмеялась:

– Экое ей счастье привалило: вместо одной кошки будет тискать сразу двух! – И уже серьёзно спросила: – Ты ведь будешь ко мне приходить?

Кот насупился:

– Я себя тискать никому не позволял и не позволю!.. И вообще, это ты будешь ко мне приходить. У нас мировецкий диван, в нем такая есть удобная выемка... Просто ужасно уютная. Только мы вдвоем там не поместимся, наверное.

– Ничего, – успокоила его Конопушка, – я тебя оттуда выпихну.

Шавыч плёлся сзади и всю эту кошачью воркотню слушал вполуха. В нём как будто кто-то провел невидимую

черту и разделил напополам. И теперь одна половина хотела поскорее во двор, где знаком каждый закуток-закоулочек, где живёт лучший друг Коготок, разгильдяй Шпик, смешной, но преданный Ноэль... Где у мусорных баков всегда можно найти, чем поживиться. А вторая половина настойчиво тянула в Лес, к мерцающим Чишкиным глазам и её негромкому рычанию-ворчанию. И вообще, Шавыч не хуже Медведя понимал, что в Лесу порядок они толком не навели, потому что одни напуганные, другие озлобленные, и неизвестно, что из этого выйдет.

Вот поэтому пёс был ужасно рассеянный и даже не замечал, где они топают. В конце концов, Когтя полгорода облазил, пусть он и командует парадом.

«Ну я же обычный городской пёс, – думал Шавыч. – Дворняжный. Я в городе привык жить. Это мне что же теперь, в Лес переселяться? И всех приятелей за собой тащить? Не могу я без них. А она – ясное дело, дикий зверь, ей сюда никак... И вообще – зачем я ей нужен? Споестся с каким-нибудь молодым волком... А я – интересно, я без неё смогу?»

Шавыч представил, что он никогда-никогда больше не увидит Чишку. Не услышит. И не придётся с ней по опушке. Голубое весёлое небо стало серым. Потом представил волчицу рядом с волком. Небо почернело. Захотелось зарычать, броситься на первого попавшегося прохожего и искусать его до смерти.

Пёс зажмурился и затряс головой, пытаясь прогнать наваждение. Тут издали его окликнул Коготок:

– Ша-а-авыч!.. Ты чего там застрял?

Если уж эта влюбленная парочка соизволила заметить его отсутствие, значит, он долго дурью маялся. Пёс с опаской открыл глаза, недоумевающе огляделся и пошёл догонять кота с кошкой, ворча себе под нос: «Что хорошего умудряются находить в любви – не понимаю».

– ...Ты что, оглох?! – хлопнули его по спине.

Шавыч вздрогнул. Перед ним стоял Шпик и возмущался:

– Я вам ещё с карниза кричу, а ты в землю уткнулся и не откликаешься! Я бы понял, если бы вот эти, – он махнул лапой в Когтину сторону, – не реагировали, но ты?..

– А я сейчас ничем от них не отличаюсь, – медленно проговорил пёс. – Разве что меньшей удачливостью...

– Да ну, чё ты мелешь всякую ахинею, – нетерпеливо воскликнул кот, – пошли, здороваешься с нашими нормально... Мы тут ждём-не дождёмся, когда вы заявитесь наконец...

Он буквально потащил Шавыча под любимую Когтину липу, в тени которой тот уже уютно устроился и повествовал развесившим уши слушателям, что приключилось с ними в далёком и страшном Лесу. Конопушка сидела рядом, и её маленькая белая лапка надёжно покоилась на рыжей лапе Коготка. А тот рассказывал-рассказывал о своих подвигах, наконец выдохся и заявил:

– Мы как-нибудь ещё в Лесходим, нас приглашали. Здорово там, что ни говори. Правда, Шавыч? – обернулся он к другу.

– Здорово, здорово, – мрачно ответил тот. – Вот и ходите. Только без меня.

Кот в растерянности хотел было переспросить, но его опередила Снежинка. Подлетела к Шавычу, спину выгнула и зашипела:

– Ах, вот как? Чишка о тебе так отзывалась... Она от тебя без ума, а ты – побарбосить и бросить?! Ну уж нетушки, – продолжала наступать кошка, – я тебя лично за ухо зубами в Лес приволоку! А там сами разберётесь.

– Ну я же не переселюсь в Лес окончательно! – в отчаянии воскликнул пёс.

– А ты чередуй: недельку здесь поживёшь, недельку в Лесу, – влез Шпик. – Очень даже замечательно будет: смена обстановки – раз, гавкаться не захотите – два. И вообще, разлука подогревает чувства, говорят...

– Говорят всякую бредь, а ты повторяешь! – перебила Конопушка. – Подогревают только слабые и дохленькие чувства, а сильные сами кого хочешь и подогреют, и сожгут...

Куда делась былая её робость, когда Снежка осторожно ставила лапки по карнизу и шарахалась от голубей? Теперь под липой восседала распушившаяся, как весенняя верба, красавица с кошачьим чувством собственного достоинства. Способная постоять и за себя, и (как выяснилось) за других... и при этом трогательно беззащитная и милая. Коготок открыто залюбовался ею. Но тут вредная Снежинка (вот что-что, а вредность при ней осталась, молоко надо бочками возить – для компенсации) сказала:

– Ладно, я домой.

Компьютер завис на самом интересном месте. На финальном суперсложном туре «Больших гонок». Ну как всегда. Таня бешено дёргала мышку, потом принялась молотить по клавиатуре. По всей сразу. Как будто это не «клава», а рояль. Компьютер никак не отреагировал на такое варварское обращение. Тогда девочка с размаху его выключила и, отпихнув стул, так что он закрутился волчком, подошла к окну.

Прижалась лбом к чистому стеклу, за что её всегда ругала мама. Но сегодня такой мерзкий день, что ещё один выговор уже ничего не изменит. Подружка Лиза приехала с Чёрного моря – такая загорелая, высокая, чертовски довольная... Оно бы всё ничего, только вот теперь смотрит она на Таню как на пустое место. Та целое лето торчит в городе, потому как у родителей денег нет, чтобы по курортам кататься. Но это же не значит, что она ноль без палочки?!

Комп осточертел до невозможности. Сидишь за ним целыми днями, потому что больше делать нечего. А вообще, там всё фигня. «Большие гонки»... Вот когда папа купит велосипед, который обещает уже второй год, и она выкатится на нём во двор, позванивая, а потом помчится всё дальше и дальше по каким-нибудь неведомым местам – вот это действительно будут гонки! И ветер ей будет красиво трепать волосы, как вот вчера в кино показывали по первому каналу.

Воодушевившись таким образом, Таня направилась в кухню – выудить из буфета «Альпен гольд», спрятанный

туда мамой. По дороге споткнулась о Снежинкин таз, которым та почти не пользовалась – и вся воодушевлённость с неё как-то разом слетела. Похоже, Конопушки ей не видать как своих ушей. Так вчера сказал папа и пошёл срывать объявления о пропаже кошки, потому что на оставленный номер то и дело звонили какие-то хулиганы и говорили всякие гадости.

Танька посмотрела в большое зеркало, стоявшее в прихожей. Вот уши свои она преспокойненько видит, а Снежинку уже не увидит нигде. Наверное, ей приснилось, как она разговаривала с котом и тот пообещал найти Конопушку. А если даже и не приснилось, то они оба сгинули.

И тут от входной двери послышались какие-то подозрительные звуки. Кто-то настойчиво скрёб чем-то по железной двери. Железо – не самый лучший музыкальный инструмент, к тому же девочке стало любопытно – и, забыв наказы, она распахнула дверь. Никого. А снизу донеслось: «Мяу!..»

...А вечером состоялся серьёзный разговор.

– Ты что, хочешь сказать, что ходила через весь город в лес? Одна? – ужаснулась мама.

– Да куда она не ходила, – вмешался папа. – Сидела с компьютером – вон, его опять настраивать надо... Таня, мы понимаем, что у нашей дочери богатое воображение, но должны же быть какие-то пределы!

– Папа, ну какие ещё пределы? Если там, правда, Лев, и его надо переправить в Африку, потому что Коготок обещал! Он Снежку так выкупил! А теперь мы должны Льва на родину отправить. Ты же сам говорил, что надо выполнять обещания?!

– Танечка, да успокойся ты, – начала было мама, но тут папа хлопнул себя по лбу и сказал, что в газете месяц назад писали о происшествии в зоопарке – краже хищника, кажется, именно льва. Наверное, до девочки каким-то образом дошла эта история, ну а остальное – полёт фантазии.

Высказав это логичное, но в корне неверное предположение, папа пошёл звонить в зоопарк –

выяснить, что и как. Ему сказали, что да, кто-то действительно увёл льва из клетки, но обнаружить ни злоумышленника, ни зверя так и не удалось. На брошенных ключах от клетки остались какие-то царапины – вот и все следы преступления. Нет, у них уже появился новый лев, старый не представляет для зоопарка интереса, поэтому сообщите спецслужбам. Да, вырос он на воле. Теоретически возвращение возможно, но это всё-таки зоопарк, а не Гринпис.

А Таня спокойненько завалилась спать, используя Конопушку вместо подушки, а утречком, проводив родителей на работу, оправилась в Лес. Нашла там Льва и провела с ним целый день. Он ей неожиданно понравился. И девочка Льву тоже приглянулась: он охотно с ней болтал, позволял сидеть в кольце мягких лап и даже немножко прокатил на спине. Таня не стала ему ничего говорить – ни про кошку свою, ни про то, что он сделал с Лесом. Она по опыту знала, как неприятно, когда тебя ругают. И ещё – что от ругани хочется только ещё больше делать пакости. Так зачем же заниматься таким бесполезным и скучным делом?

Кстати, вопрос с хищником урегулировался достаточно быстро. Льва поймали-таки и посадили в клетку, но!.. с тем, чтобы погрузить в вагон и довезти до ближайшего (каких-то пятьсот тысяч километров) морского порта. А там – на попутный корабль и в Африку. Ну зачем он тут, в средней полосе России, нужен?

Лев сидел у стенки и не смотрел на людей. У него в голове образовался полный бардак. Зацепили Льва слова Медведя про хорошего хозяина, без которого порядок продолжается. «Порядок – это я главный, а остальные меня слушаются! А если меня нет, кого слушаться?» – недоумевал царь зверей. И эта девчонка. Она же вроде и не слушалась его особо, но с ней было хорошо почему-то. «Это что же, мне нравится что-то беспорядочное? Непорядочное... Тьфу! – плюнул Лев. – Или я ошибаюсь в определении порядка? Но этого же не может быть!..»

– Повер-р-нись к народу, соня! Мы ему пр-р-роводы, а он и смотр-р-реть не хочет! – заверещал кто-то.

Ну конечно, это был Кару. Он восседал на плече у Тани. Лев обрадовался и подошёл к решётке. А девчонка такая счастливая:

– Лёва, ты знаешь, я с тобой поеду! Мне разрешили! Тут у мамы какие-то старые знакомые. Нет, ты представляешь – я на Африку настоящую погляжу! И вообще на весь белый свет! Вот Лизка упадёт!.. – расхоталась она. – Это вам не какое-то Чёрное море. – Тут она просунула руки внутрь решётки и принялась теревить львиную гриву.

– И я тоже, – заявил попугай. – Погляжу, какие там пор-р-рядки. Здесь мне всё осточер-ртело. Стар-раешься, стар-раешься, а в благодар-рность тебя заклевать готовы...

«Да, про порядки... – подумал Лев, довольно урча. – Надо будет у неё как-нибудь спросить про них... Так как-нибудь небрежно, невзначай – чтобы не уронить царского достоинства.»

...Вечером, баюкая своих котят, кошка Тесёмка приговаривала:

– Спите, мои лапоньки, спите, мои хорошие... Скоро у вас появятся приятели – такие рыжие-рыжие... а может, и конопатые...

– Ну, Тесёмка, – фыркнул Ноэль, – вечно у тебя об одном мысли.

Кошка лениво усмехнулась:

– Я, знаешь ли, реалистка. Ты погляди только – они опять пропали! А ещё хозяйка Снежкина уехала, вовсе некому за ней следить... Так что скоро вам будет с кем играть, пушистики мои, – наклонилась она к котяткам. – А то друг дружку уже перецарапали...

И поглаживая лапой то одного, то другого котёнка, она замурлыкала колыбельную.